

Онтологический анализ исследований ланкастерской ветви акторно-сетевой теории: от восприятия к объекту

Евгений Попов

Аспирант, Аспирантская школа по социологическим наукам,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000
E-mail: evgeniipalמודov@mail.ru

В рамках данной статьи автором будет рассмотрена «прикладная» онтология ланкастерской акторно-сетевой теории и представлен критический анализ ее работ в рамках более широкого философски фундированного подхода Грэма Хармана (с опорой на идеи Леви Р. Брайанта). Критика имеет целью прояснить позиции ланкастерской версии АСТ, согласно которой один и тот же объект может иметь несколько онтологических модусов, являясь тем не менее одним и тем же «реальным» объектом. Для целей анализа использованы классические работы А. Мол и Дж. Ло, Л. Витгенштейна, Л. Брайанта, а также программная работа Г. Хармана «Четвероякий объект». Автор статьи приходит к выводу, что множественная онтологическая реальность объектов и восприятие единичных объектов как дискретных в рамках ланкастерской ветви АСТ формирует специфическую локальную онтологию, которая не соотносится более широкими онтологиями — онтологиями реальных вещей и реальных свойств; онтологиями чувственных объектов и реальных свойств (по Харману). Это отсутствие связи между локальной и реалистической/чувственной онтологиями Хармана создает лакуну в аналитическом аппарате ланкастерской АСТ, концептуальное заполнение которой способно расширить теоретические выводы и сделать более обоснованными исследовательские практики АСТ-исследований.

Ключевые слова: онтология, А. Мол, Дж. Ло, Г. Харман, Л. Р. Брайант, объектно-ориентированные исследования, социологическая теория

Вводные замечания

Объектно-ориентированные исследования на данный момент являются чуть ли не самой популярной «оптикой» в социологических, прикладных культурологических, антропологических и прочих исследованиях. Так, к примеру, в городских исследованиях ученые рассматривают агентность, помещенную в рамки материальности: «[Агентность это] эмерджентная способность сети... это действие или сила, которая приводит к одному конкретному действию города, и эта сила одновременно является социальной и материальной» (Farias, 2009).

В то же время в рамках game studies И. Богост формирует ключевой тезис объектно-ориентированной направленности исследований игр как: «Game studies — ...это исследование компьютера-для-правил, операционной логики-для-

компьютера... Игра не только для людей, но также для процессора, пластиковых коробок... для шины картриджа» (Богост, 2015).

В рамках социологии объектную ориентированность развивают исследования А. Мол (Mol, 2002; Мол, 2017б) и Дж. Ло (Ло, 2015) — в рамках социологии медицины, когда какая-либо болезнь рассматривается как множественная вещественная практика; в рамках социологии науки работы Б. Латура (Latour, 2019a, 2019b), в которых он рассматривает то, как материальные акторы влияют на научные практики.

Несмотря на большое количество областей социологии и смежных сфер, в которых применяется объектно-ориентированное видение, существует одна не решенная до сих пор проблема — онтология как таковая в данных исследованиях выносится за скобки и подменяется реакциями «акторов» (материальных объектов) на воздействие со стороны исследователей, т. е. онтологию в рамках данных исследований составляет некая совокупность реакций и связей, которые инициированы и наблюдаются исследователем через различные методы — будь то наблюдения (включенные) или же глубинные интервью. Иными словами, каждое конкретное социологическое, культурологическое или иное исследование предлагает свою собственную локальную «онтологию», которая основывается на наблюдениях за конкретным объектом исследования. Такое положение дел, как нам кажется, затрудняет развитие объектно-ориентированной методологии (использование изначально ложных посылок об отсутствии собственной онтологии вещей) в соответствии с ее же собственными теоретическими установками. Какого именно рода затруднения возникают в онтологической части объектно-ориентированной теории? Возможно ли их устранить или хотя бы минимизировать? Какие конкретно шаги должны быть сделаны в ходе преобразования «локальной онтологии», чтобы расширить ее до системного видения онтологии вещей? Эти вопросы и находятся в фокусе данной статьи, рассматривающей проблемы объектно-ориентированного онтологического теоретизирования в АСТ.

Базовые положения

Акторно-сетевую теорию (АСТ) принято делить на два направления — «парижское», чьими представителями выступают Брюно Латур и Мишель Каллон, и «ланкастерское», представленное работами Аннмари Мол и Джона Ло (Вахштайн, 2005; Астахов, 2019). В данной статье автор планирует сосредоточить свое внимание на «ланкастерской» ветви идей АСТ, поскольку именно в этом направлении наиболее остро проявляется проблема локальной «онтологии» объектов — подмена *онтологии вещей* на результаты *наблюдений за объектами*, которые приобретают статус верховных (то есть над такими онтологиями нет онтологии более высокого уровня). В качестве ее репрезентативных текстов мы возьмем работы Мол об атеросклерозе (Mol, 2002; Мол, 2017б), зимбабвийском втулочном насосе (Де Лаэт, Мол, 2017) и книгу Дж. Ло «После метода» (Ло, 2015), содержащую раз-

личные исследовательские заметки, посвященные его проектам. В рамках данной исследовательской традиции ее авторами (Мол и Ло) конструируется локальная «онтология» объектов, включенных в социальный контекст и существующих в различных модусах, но при этом всегда обладающих реальным онтологическим статусом (см., например, случай с атеросклерозом у А. Мол ниже). Чтобы исключить из поля социальных наук любое упоминание фиксированности, Мол и Ло обращаются к метафорам текучести и множественности — любая подвижность, не заметная на расстоянии, обнаруживается в приближении (как пространственном, так и темпоральном), в фокусировке на «здесь-и-теперь». Поэтому научная практика, по их мнению, изначально этнографична, то есть конструируется здесь-и-теперь, локально. Именно через этнографию состояния здесь-и-теперь АСТ-исследователь ланкастерского направления может подступиться к своему объекту как к динамическому, подвижному и изменчивому. Наиболее продуктивные для целей теоретизирования примеры «текущих вещей» исследователи ланкастерской ветви АСТ находят в медицине. Так, например, Ло и Мол пишут о различных заболеваниях — Ло описывает цирроз печени (Ло, 2015), а Мол атеросклероз (Mol, 2002) и диабет (Мол, 2017). Медицинские случаи очень удобны для того, чтобы показать, что один и тот же объект может проявлять себя по-разному. Так, Мол пишет, что существует различный атеросклероз. Первая его вариация — это когда пациент находится на приеме у врача и жалуется на отеки или на тяжесть в ногах. Такой атеросклероз существует в виде подозрения самого больного — ни у врача, ни у пациента нет никаких «реальных» доказательств того, что они имеют дело именно с атеросклерозом. Его косвенным подтверждением может быть боль в ногах или быстрая утомляемость нижних конечностей (Mol, 2002). Иная вариация атеросклероза — это различные тесты, которые позволяют оценить степень закупорки сосуда. Здесь атеросклероз начинает разворачиваться как медицинская практика, подключающая медицинский персонал, — в таком случае для подтверждения диагноза прибегают к помощи лаборантов, лабораторного оборудования, врача, интерпретирующего результаты тестов и т. п. (Mol, 2002; Мол, 2017). Но проявление совершенно иного атеросклероза, по словам Мол, можно наблюдать, когда его пытаются диагностировать после ампутации конечности в связи с тяжестью заболевания (Mol, 2002; Мол, 2017). В данном случае Мол описывает ситуацию, когда ампутированную конечность отдают на анализ, и с помощью скальпеля и микроскопа проявляется «атеросклероз», вероятность которого подтверждена на сто процентов (в предыдущих случаях атеросклероз менее вероятен, так как в тестах есть вероятностная доля ошибки). Таким образом, мы получаем мультимодальное представление о существовании/бытовании такой вещи, как атеросклероз, ее онтологию, локализованную в различных социальных ситуациях и практиках. Что же касается работ Ло, то он примерно так же описывает практику борьбы с циррозом печени, который является результатом длительного и регулярного употребления алкоголя (Ло, 2015). В общих чертах подход, который условно можно назвать подходом ланкастерской ветви АСТ, является прикладным, так как исследователь

в прямом смысле «следует за актерами» (тезис Брюно Латура). Актор в данном случае это собирательный образ тех реальных практик, которые составляют тот или иной объект. Но действительно ли ланкастерцы следуют за актерами? И если да, то какого рода эти акторы? Нет ли здесь концептуальной лакуны, которая подменяет реальное бытие объектов интерпретациями исследовательских данных, создавая тем самым локальную «онтологию» интерпретаций?

Для того чтобы удостовериться в наличии или отсутствии указанной выше лакуны, представляется необходимой переформулировка общих идей ланкастерской ветви АСТ на философский язык теории онтологии. Реализация этой цели возможна через обращение к философской традиции плоской онтологии (Г. Харман и Л. Брайант), а также к философии языка Л. Витгенштейна. Выбор этих авторов обусловлен тем, что, во-первых, Харман и Брайант это авторы, которые в своих текстах не только напрямую рассматривают вопросы об онтологическом статусе объектов, но и вписывают свои теории в более широкий философский контекст (Э. Гуссерль, Н. Луман, Г. Бейтсон), что делает их более фундаментальными (например, главный ориентир для Мол это работы М. Фуко, который специально не разрабатывал никакой отдельной онтологии). Во-вторых, Витгенштейн представляется нам автором, чье философское наследие поможет выявить слабые и сильные места того методологического подхода, который избран для исследований представителями ланкастерской ветви АСТ.

Грэм Харман в своих работах базируется на идеях Гуссерля и Хайдеггера, одновременно их дорабатывая. Так, от Гуссерля Харман перенимает понятие *чувственного объекта*, который явлен человеку лишь через его воспринимаемые качества (Харман, 2015). В данном случае Харман предостерегает исследователей от понимания Гуссерля как чистого идеалиста наподобие Беркли. Да, объект, по мысли Хармана, может явить себя только через чувственные качества, тем самым будучи некоторым сенситивным эрзацем объекта реального. Но это не значит, что такой объект будет сугубо чувственным — он может обладать и реальными (сущностными) качествами (Харман, 2015). Но, как отмечает сам Харман, в контексте учения Гуссерля это не совсем очевидно. Наиболее явно эта особенность объектов проявляется в идеях ученика Гуссерля — Мартина Хайдеггера, а точнее — в его инструмент-анализе. Инструмент-анализ — это идея Хайдеггера, которая позволяет рассматривать вещи как беспроблемные или, выражаясь словами самого Хайдеггера, «подручные», до тех пор, пока не произойдет нечто такое, что выведет их из скрытой зоны подручности в сферу проблемного, или, как называет ее Хайдеггер, «наличного» (Хайдеггер, 2003: 167–197). Стоит отметить, что данная интуиция особенно четко проявляется в работах другого представителя акторно-сетевой теории — Брюно Латура — в частности, в его идее о проводнике и посреднике (Латур, 2014). Упрощая, можно сказать, что Харман в своей онтологии предусматривает два типа объектов — реальные и чувственные (исходя из инструмент-анализа их можно назвать вышедшими из зоны подручности). Но онтология Хармана это не просто выделение двух полюсов существования объектов. Он также пытается описать

и существующие между ними отношения. Попробуем схематично взглянуть на эту онтологию. Итак, Харман выделяет два условных полюса:

1. *Чувственный и реальный* объекты (например, чувственный объект — это черный шар, который мы можем видеть, играя в бильярд, а реальный объект — это совокупность химических, физических и феноменальных аспектов (Харман не отрицает феноменологию вещей [Харман, 2015]), которые недоступны для акта человеческого восприятия). На данном этапе важно уяснить, что чувственными являются все те объекты, которые человек воспринимает, а реальными все те объекты, которые скрыты от него (Харман, 2015).
2. *Чувственные и реальные* качества (например, чувственными качествами объекта являются все те его характеристики, которые человек способен подметить — цвет, вес, плотность, упругость, в то же время реальные качества никак не зависят от процесса человеческого восприятия, они непосредственно связаны с тем или иным объектом по его природе).

Согласно Харману, между этими полюсами возможны десять типов отношений (каждый с каждым и сам с собой) (Харман, 2015), однако Харман не доводит до конца свое стремление к релятивизации онтологии и останавливает свое внимание лишь на четырех ключевых отношениях между качествами и объектами:

1. Реальный объект — реальные качества (сущность).
2. Реальные качества — чувственный объект (эйдос).
3. Чувственные качества — чувственный объект (время).
4. Реальный объект — чувственные качества (пространство).

В рамках данной статьи нас прежде всего интересуют два вида отношений — реальный объект — чувственные качества (пространство) и чувственный объект — реальные качества (эйдос). Об этих видах отношений и пойдет речь далее.

Поиск лакуны: два типа онтологических отношений

В рамках описываемой Харманом онтологии существует два типа отношений между полюсами, которые помогут нам иначе взглянуть на предметы исследований Мол и Ло. Но перед тем как перейти к их анализу, следует более подробно остановиться на том, что следует понимать под реальными и чувственными объектами и соответствующими им качествами. Поскольку Харман находится под влиянием творчества Гуссерля, несложно понять, что реальные и чувственные объекты противоположны друг другу. Так, чувственные объекты и чувственные качества даются человеку в его феноменологическом опыте. Но реальность такова, что человеку не под силу воспринять объект целиком — человеческое внимание всегда фокусируется на определенной его части, концентрируя тем самым определенный массив чувственных качеств, который в дальнейшем и понимается им как тот или иной объект. Но на самом деле реальные объекты являются в некотором роде вещь-в-себе (Харман, 2015), они принципиально непознаваемы до конца и опе-

ративно закрыты. Это первая линия онтологии Хармана, на которой в пару встают реальный объект и чувственные качества (те качества, которые улавливаются в процессе восприятия). Но есть и иная линия. Чувственный объект. Что это? Это как раз та совокупность качеств, которая в некотором роде подменяет реальный объект. Итак, на данный момент можно подытожить, что реальные качества объекта и сам реальный объект — изъяты из человеческого доступа (Харман, 2015) — подступиться к ним невозможно. Но реальные качества сами по себе могут быть обнаружены в чувственном объекте, который представляет собой совокупность схватываний в процессе восприятия реального объекта. Выходит, что *чувственный объект есть совокупность чувственных характеристик реального объекта*. Это первый важный вывод, который поможет нам в дальнейшем разворачивании онтологии Хармана на исследовательском поле ланкастерской ветви АСТ. Следующий важный вывод мы можем сделать при рассмотрении чувственного объекта. Сразу же стоит учесть метафору, при помощи которой Харман рассматривает чувственные объекты в связи с их реальными качествами — метафору платоновского эйдоса. Так, выходит, что, будучи совокупностью чувственных черт, объект начинает проявлять реальные качества, которые помогают ему отличаться от других соположенных ему объектов. Отсюда следует второй важный вывод — *чувственные объекты имеют свои реальные качества, которые, в свою очередь, принципиально отличны от реальных качеств реального объекта*. Чтобы прояснить этот вывод, рассмотрим пример. Все люди «в теории» имеют представление о переломах и иных травмах. Но человеческому опыту недоступны реальные качества реального перелома — на глаз человек не может определить, порвались ли связки, как сильно нарушена структура кости, есть ли осколки и т. п. В момент рассмотрения перелома человеку доступны лишь чувственные качества перелома — то, что видно «невооруженным глазом». Из этого у человека и складывается чувственный образ усредненного среднестатистического перелома — гематома, искривление конечности и т. п. Но представим, что однажды, гуляя по парку, мы встречаем лежащего на траве человека, который стонет от боли и указывает на свою ногу. В тот момент, когда вместе с человеком мы смотрим на его конечность, мы видим реальные качества перелома, о котором до этого имели чувственное представление. Об этом и говорит Харман — что реальность делится не только на реальное и чувственное, но что и чувственное может обладать реальными качествами. Очерченные ранее две онтологические линии, а именно линия «реальный объект — чувственные качества» и линия «чувственный объект — реальные качества»¹

1. Линия «реальный объект — чувственные качества» может быть представлена через отсылку к Канту — когда вещи являются вещами-в-себе и могут быть познаны человеком только через исследование его отдельных свойств — чувственных качеств. В то же время линия «чувственный объект — реальные качества» может быть представлена как «опыт» познания вещи-в-себе, облеченный в некоторую форму знания (текст, например), которая, в свою очередь, начинает обладать реальными свойствами в процессе ее дальнейшего изучения. Так, например, чувственные данные, полученные при исследовании ядер молекул, привели к созданию ядерных реакторов, свойства которых являются реальными, хотя первоначальная природа познания ядра — чувственной.

характеризуются у Хармана двумя типами отношений — аллюром и теорией. Под «аллюром» Харман понимает операцию соединения чувственных качеств, которые производятся при интерпретации любого реального объекта (Харман, 2015). Проще всего объяснить этот тип онтологического отношения через эстетику и художественное творчество, когда к какому-либо реальному объекту (будь то война, танк или детская коляска) интерпретатор приписывает нечто субъективное, появляющееся у него в сознании в процессе лицезрения этого объекта. Итак, «слово аллюр — это общий термин для [обозначения] сплавления изъятых [из возможности соприкосновения с человеческим опытом] реальных объектов с доступными поверхностными качествами» (Харман, 2015: 105). В зависимости от каких-либо аспектов (например, настроения, времени года, возраста, зрения) итоги операции аллюра могут отличаться, но неизменным остается одно — мы ухватываем чувственные качества реального объекта, в то время как реальные качества реального объекта для нас остаются неизвестными. «Теория» уже намного ближе к практике социальных наук, которая воспроизводится в рамках исследований ланкастерской АСТ — они возникают, когда через конструирование какой-либо концептуальной оптики, базирующейся на опыте предшествующих исследований реальных объектов через их чувственные качества, ученые рассматривают мир посредством выделения (обособленного от самого объекта рассмотрения) реальных качеств чувственного объекта. Теорией можно назвать любой усредненный чувственный образ, коррелирующий с реальными качествами. Например, упомянутое ранее видение усредненного среднестатистического перелома конечности также можно считать теорией. Слово «теория» здесь важно для того, чтобы уловить одну важную мысль, которую Харман эксплицитно не артикулирует² — мысль, согласно которой чувственные качества реальных объектов, сами чувственные объекты и их реальные качества формируются под воздействием устоявшегося, привычного способа видения мира. Харман сильно склоняется к линии Гуссерля, но в своей рецепции его идей он отказывается от феноменологической редукции (по крайней мере, о ее важности он открыто не говорит), позволяющей увидеть этапы чистого познания, осуществляемого субъектом, в пользу более обобщенного видения через призму устоявшегося способа схватывать и мыслить объекты. Здесь нам открывается возможность обращения к идеям Витгенштейна, чтобы попытаться идентифицировать лакуну в построениях ланкастерской версии АСТ.

Поиск лакуны: (не)называя объекты

Теперь рассмотрим эту лакуну в ракурсе локальных «онтологий», строящихся на интерпретациях. Главный вопрос, который встает перед исследователем в этой связи, — возможно ли говорить об онтологии (даже локальной), которая строится

2. Харман лишь мимоходом затрагивает этот вопрос: «Если верно, что все воспринимаемые качества обременены теориями об объектах, вокруг которых они вращаются, мы должны знать, существует ли различие между чувственными и реальными качествами» (Харман, 2015: 132).

на методах глубинного интервью и прочих качественных методах сбора информации, опирающихся на опыт людей? Для ответа нам придется обратиться к идеям Людвиг Витгенштейна о невозможности существования индивидуального языка. Необходимо также реконструировать в общих чертах интеллектуальный контекст, позволивший идее отсутствия индивидуального языка приобрести тот формат, который у нее есть на данный момент. Интеллектуальные ресурсы, предлагаемые теорией Витгенштейна, позволяют прояснить важный аспект той лакуны, которую можно обнаружить в рамках методологии исследований ланкастерской ветви АСТ. Этот важный аспект заключается, по нашему мнению, в этнографическом подходе, формирующем эмпирический материал через глубинные интервью с людьми, которые тем или иным образом взаимодействуют с объектом. Подобная методология, как нам кажется, позволяет реконструировать воспринимаемый образ того или иного объекта, но не сам объект. В связи с этим встает вопрос о том, насколько корректно говорить о «реальном» бытии объектов. Но обо всем по порядку.

Первым о возможности качественного опыта, а значит, и о возможности приватного языка писал в своей работе Дж. Локк, приводя в качестве аргументации пример с инвертированным спектром (Локк, 1985). Его суть может быть описана как возможность существования отличий в восприятии цветов у различных людей — так, кто-то может смотреть на небо и говорить о его глубокой «голубизне», но кто-то вполне может, смотря в небо, заявлять о его насыщенно желтом тоне. В дальнейшем феномен качественных опытов рассматривался в более негативном ключе (Д. Деннет, Т. Нагель). Еще до Витгенштейна негативное отношение к индивидуальному (приватному) языку начали высказывать Мориц Шлик и Готлоб Фреге. Так, Шлик писал, что если человек рассматривает два куска **зеленой** бумаги и приходит к выводу об их идентичности (поскольку он пережил два раза одно и то же состояние их «**зелености**»), то восприятие этих же кусков бумаги другим человеком как идентичных или же отличающихся может быть принципиально неverifiedируемым. Поскольку в первом случае человек говорит о собственной верификации, когда с ней сопрягается сравнение одного **зеленого** куска, то во втором случае происходит такой же процесс, но идентифицировать его как истинный у первого человека нет никакой возможности. Несмотря на то что, отвечая на вопрос о цвете этих кусков, второй человек, скорее всего, будет называть их зелеными, его собственное восприятие зеленого может отличаться от восприятия зеленого первым человеком. Так, согласно тезису об инвертированном спектре (Локк, 1985), второй человек может видеть **зеленый** в качестве красного, и отвечая на вопрос первого человека о том, какой из двух кусков кажется ему наиболее насыщенным — «этот **зеленый** кусок» или же «тот **зеленый** кусок», второй человек вполне вероятно ответит, что второй **зеленый** кусок намного более насыщенный, чем первый **зеленый** кусок. Таким образом, согласно мысли Шлика, верификация может быть в данном случае бесплодным замыслом (Шлик, 2006). Схожие идеи еще до выхода в печать работы Шлика высказывал и Фреге. Его аргумент «против»

заклучался в следующем. Гипотетическая прогулка по лугу приводит к тому, что один из двух прогуливающих обнаруживает в траве ягоду земляники красного цвета. В то же самое время второй человек проходит мимо, не замечая ягоду, так как его восприятие цвета отлично от общепринятого. Фреге задается вопросами: как видит цвета вокруг тот человек, который не заметил ягоду? В каком цвете он видит мир вокруг него самого? Фреге не дает на них ответа, но констатирует их бессмысленность. Как он пишет в конце своего пассажа: «Когда слово „красный“ не обозначает свойство вещей, а предназначено для характеристики чувственных впечатлений, принадлежащих моему сознанию, оно применимо только в области моего сознания; в этом случае сравнение моих впечатлений с впечатлениями другого человека невозможно» (Фреге, 2000). И пассаж Шлика, и пассаж Фреге показывают, что поскольку доказать существование качественных элементов опыта не имеется никакой возможности, то следует отрицать их существование, поскольку они не играют никакой важной роли в рамках парадигмы верифицируемости. Выходит, что Шлик и Фреге отрицали факт существования качественно-го опыта и индивидуального языка только потому, что последний никоим образом не мог быть вписан в рамки парадигмы верифицируемости. Иными словами, тот или иной качественный опыт, отражающий субъективное переживание каких-либо качеств одним человеком, не может быть сопоставлен с качественным опытом другого человека по причине того, что невозможен процесс унифицирующей верификации этих форм. Под этим процессом имеется в виду отсутствие лингвистического тождества для категорий, отражающих тот или иной опыт квалиа.

Что же касается самого Витгенштейна, которому также был близок описанный выше интеллектуальный контекст, то он подошел к вопросу о сложности экспликации качественного опыта и невозможности индивидуального языка более комплексно. Прежде всего Витгенштейн концептуализирует приватный (индивидуальный) язык. Под ним он понимает такой тип языка, в котором содержательные значения слова заполнялись бы субъективным опытом (переживанием) человека (Иванов, 2011). Ключевыми особенностями такого языка являются факты, согласно которым критерий тождества употребления того или иного лингвистического выражения заключен в самостоятельном установлении связующих элементов (между чувством и термином) и в том, что при возникновении того или иного конкретного чувства должен воспроизводиться конкретный термин, заданный предыдущим субъективным опытом. Главным свойством правильного воспроизводства той или иной связи между чувством и термином Витгенштейн считал память (Витгенштейн, 2018). Слабость этого свойства заключается в его же главной характеристике — способности забывать. Так, Витгенштейн говорит о том, что все потенциальные термины индивидуального языка, несущие в качестве значения субъективный опыт, не могут иметь четких значений, потому что те или иные ощущения могут забываться. Для того чтобы идея невозможности индивидуального языка казалась еще более правдоподобной, Витгенштейн прибегает к различным мысленным экспериментам. Одним из таких его самых популярных

экспериментов, направленных на опровержение существования индивидуального языка (в его понимании), является эксперимент «жуки в коробке»³ (Витгенштейн, 2018: 156). Данный аргумент отчасти может быть сведен к логике гипотезы о лингвистической относительности («Каждый говорил бы, что он только по внешнему виду своего жука знает, что такое жук»), а отчасти к жесткой идее языка, изложенной в «Логико-философском трактате» («Ну а если при всем том слово „жук“ употреблялось бы этими людьми? — В таком случае оно не было бы обозначением вещи»). Выходит, что для Витгенштейна ключевым аргументом против потенциального существования индивидуального языка является его принципиальная несогласованность с уже существующими значениями слов вокабуляра той или иной языковой игры.

Чтобы уточнить, для чего были приведены все вышеизложенные рассуждения, постараемся соединить пассажи о Хармане и Витгенштейне в одну логическую цепь, это, как представляется, поможет прояснить неопределенный онтологический статус объектов в ланкастерской ветви АСТ, в рамках которого ее представители «следуют за актерами» и выявляют различные модусы их существования (Мол в своей работе указывает, что объект является *реальным*, если он является частью практики, что, по ее мнению, можно назвать «реализованной реальностью» [Мол, 2017б: 217], а Ло в своей книге указывает, что реальность зависит от регулярного воспроизводства и практики [Ло, 2015]). Для того чтобы более детально рассмотреть подобную онтологию, разместим объектно-ориентированную философию Хармана на исследовательское поле Мол и Ло. Как было уже замечено выше, в рамках онтологии Хармана существуют два вида объектов реальные и чувственные, а также соответствующие им два вида качеств. Дискурс, который конструируется вокруг АСТ и ее ланкастерского направления в частности, формирует такое видение, когда *реальные* объекты исследуются через проявление ими своих *реальных* качеств (практик). Последние же исследуются мягкими методами этнографии. В этом случае атеросклероз становится локально «реальным» при рассмотрении артерии (из ампутированной ноги) под микроскопом (Мол, 2017б: 64–65), а железнодорожная авария становится локально «реальной» по той причине, что ошибку совершил сам машинист, проигнорировав правила эксплуатации (Ло, 2015: 38). Но действительно ли можно говорить о локальной реальности объектов в таком контексте? Мы считаем, что заявления работающих в духе ланкастерской школы АСТ-исследователей о том, что они исследуют реальные вещи, должны быть переосмыслены с опорой на разработанные объектно-ориентированные онтологии. Это позволило бы им более четко обрисовывать предметы своих исследований. Для более комплексного рассмотрения существующей в ис-

3. Витгенштейн описывает ситуацию, когда у нескольких людей есть коробки, в которых, по их утверждениям, находится то, что в своих языках они именуют жуком. Никому из них не позволено смотреть в коробки друг друга. Может случиться такое, что коробка вообще окажется пустой. Выходит, что под словом «жук» каждый подразумевает что-то свое и не существует возможности проверить, одинаковы ли «жуки» во всех коробках (Витгенштейн, 2018: 156).

следованиях ланкастерской ветви АСТ-лакуны⁴ мы предлагаем учитывать также их методологический аспект, а именно упор на методы этнографии — преимущественно на глубинные интервью и конверс-анализ. Именно поэтому здесь целесообразно обратиться к работам Л. Витгенштейна — к его идее о невозможности индивидуального языка, который выражал бы чувства, испытываемые от восприятия объекта. Витгенштейн позволяет показать, что феноменологичность каждого чувственного восприятия (так же как и в аргументах Хармана) не дает возможности исследователям выяснить методом глубинного интервью, какие именно качества «реального» объекта ухватил респондент. В этой связи возникает подозрение, что ланкастерские АСТ-исследователи рассматривают обобщенные чувственные качества, полученные при восприятии объекта, а затем, посредством операции теоретизирования превращают данную совокупность качеств в обобщенный чувственный объект — атеросклероз, цирроз печени и т. п. — имеющий свой словарь (язык) описания собственных качеств. Проще говоря, при таком методологическом подходе исследуются не свойства «реального» объекта, но воспроизводство дискурса. Данный вывод ни в коем случае не распространяется на всю качественную методологию и качественные исследования как таковые. Ведь большинство подобных исследований направлены на экспликацию чувственно-переживаемого опыта человека. Зачастую в качестве предмета в таких исследованиях фигурируют эмоции, память о нематериальном событии и т. п. Такой опыт можно и нужно исследовать подобными методами. Но, как нам кажется, путь «мягких» методов для исследования «реальных» объектов не всегда дает адекватные результаты.

Таким образом, в данный момент мы можем сформулировать главный вопрос для определения лакуны, к рассмотрению которой были приведены вышеизложенные положения, как адекватно концептуализировать объекты, если они операционально закрыты, и единственный способ к ним подступиться — это информация, которую они могут давать о себе в зависимости от контекста. Попытаемся ее восполнить, обратившись к работам другого объектно-ориентированного исследователя — Леви Р. Брайанта.

Заполнение лакуны: системное единство объекта

В целях нашего рассмотрения лакуны нам понадобится «системный аргумент» Леви Р. Брайанта, который разрабатывает свою онтологию, опираясь на работу Никласа Лумана, в частности на его понимание информации (Луман, 2007: 117), а также на работу Грегори Бейтсона (Bateson, 1970). Поскольку Брайант продолжает свою линию размышлений вслед за Харманом, он подмечает, что реальные объекты являются для нас оперативно закрытыми, а чувственные объекты (в понимании Хармана) — это не реальные объекты сами по себе, но то, что они суть для других объектов. Этот тезис позволяет Брайанту поставить знак равенства между

4. Лакуна образуется в результате подмены реального бытия объектов интерпретациями исследовательских данных, создавая тем самым локальную «онтологию» интерпретаций.

чувственными качествами, информационными событиями и системными состояниями Лумана (Брайант, 2019: 164). Данная эквивалентность снимает избыточное напряжение с факта перцепции, когда вся работа лежит на воспринимающем объекте (чаще всего человеку), а воспринимаемый объект является статичным, никак не проявляющим себя. Кроме того, данный тезис переносит акцент на сам воспринимаемый объект, который может «излучать» системную информацию о себе при условии достаточного воздействия, а может и не «излучать». Если кратко описывать эту оптику Брайанта, то следует отметить, что тот или иной реальный объект он рассматривает как аутопойетическую (живые объекты) или аллопойетическую (неживые объекты) систему, производящую информацию для познающего объекта, не важно, человек это или что-либо еще. Под информацией Брайант понимает событие, определяющее состояние системы, а также производящее различие (Луман, 2007: 117; Брайант, 2019: 162). Иными словами, интерпретация Лумана Брайантом, будучи применена к рассмотрению объектов, позволяет ему прийти к выводу, что закрытый для познания объект должен рассматриваться как система, которая при наличии возмущений окружающей среды способна реагировать на них, производя (а иногда и не производя) некоторый корпус информации о своих качественных состояниях. Далее Брайант подмечает принципиальный момент своей онтикологии, отличающий его теорию от подходов других «вещественных онтологий», а именно: что эти качественные состояния, «переживаемые» той или иной системой, обычно рассматриваются как отдельные другие объекты, но не как специфические свойства системы (Брайант, 2019). Иными словами, Брайант утверждает, что исследователь не может расчленять тот или иной объект (который должен рассматриваться как система) на отдельные составные части, но должен подмечать каждое изменение как изначально системное состояние. Уже с опорой на работы Бейтсона Брайант выделяет некоторую селективность информации, которую получает исследователь, при анализе той или иной системы — многие события в системе должны активизироваться скорее получателем, чем «инициатором» воздействия (Брайант, 2019: 158). Этот тезис, по мысли Брайанта, должен подводить к тому, что зачастую система в данный рассматриваемый момент имеет определенные характеристики, которые могут быть принципиально отличными или же отсутствовать вовсе в иных контекстуальных условиях. Поэтому следует говорить не о составных частях, выводя их в отдельную сферу бытия, но о специфических качествах, присущих системе в конкретный момент исследования.

Суммируя описанное выше, можно сделать несколько выводов. Во-первых, поскольку все объекты по своим изначальным свойствам являются оперативно закрытыми (принципиально непознаваемыми), доступ к ним можно получить только через их качественную составляющую, посредством восприятия производимой ими информации. Во-вторых, адекватное производство информации возможно лишь в рамках системы, поэтому тот или иной объект должен рассматриваться именно в этом качестве. В-третьих, свойства системы не должны онтологизироваться по отдельности и становиться независимыми объектами, так

как содержание того или иного информационного события зачастую может быть контекстуальным, а информация неполной. Такая оптика рассмотрения объектов кажется вполне релевантной, хотя в некоторой степени и отличается от подходов иных представителей так называемой «плоской онтологии»⁵. Так, например, ассамбляжный подход Мануэля Деланда позволяет переносить то или иное «онтологизированное» свойство одного ассамбляжа в другой без потери целостности первого (Деланда, 2018: 32), в то время как перенесение брайантовского свойства одной системы в другую может кардинально изменить свойства обеих. К примеру, если взять сердечно-сосудистую систему и вычленив в ее составе такую характеристику, как тромб, а затем перенести ее в иную систему, например, в нервную, то выяснится, что тромб может производить информацию и смысл только как составляющая часть сердечно-сосудистой системы, но как отдельный объект он рассматриваться не может, не говоря уже о том, чтобы переноситься, так как в рамках нервной системы у тромба нет возможности возникнуть и быть замеченным (потому что нет сосудов и крови). Системную методологию можно попробовать применить и к исследованиям Мол и Ло. Например, если рассматривать уже упоминавшийся ранее атеросклероз, то кажется, что «атеросклероз, обнаруживаемый в ампутированной конечности» или «атеросклероз, обнаруживаемый по температуре конечностей» есть не что иное, как свойства «атеросклероза-как-системы», а процесс его выявления — есть процесс получения информации через запуск определенного набора возмущений. Если взять и перенести тот или иной «онтологизированный» атеросклероз и процесс получения информации о нем в рамки другой системы, то таковая либо перестанет поступать вовсе, либо система будет уже иметь иной характер.

Заполнение лакуны

Достигнутое таким образом описание лакуны заключается в том, что чувственные объекты, которые не вписаны в какую-либо онтологию и считающиеся «реальными», не могут быть адекватно исследованы через их концептуальное рассмотрение сквозь призму перцептивного опыта людей, тем или иным образом с ними взаимодействующих. Проще говоря, следует уяснить, что у исследователей нет доступа к реальному объекту, поскольку он является оперативно закрытым — как вещь-в-себе у Канта (Харман, Брайант), поэтому исследовать можно только чувственные объекты. Исследовать эти чувственные объекты через «мягкую» методологию (глубинные интервью, например) нельзя, так как, во-первых, восприятие человека феноменально (Харман), во-вторых, релевантно отрефлексировать это восприя-

5. Плоской онтологией М. Деланда обозначает некоторую совокупность подходов (Харман, Латур, к примеру), в рамках которой все объекты рассматриваются как однопорядковые, т. е. ни одна из сфер анализа не может рассматриваться как главенствующая — например, как это было в работах Э. Дюркгейма, рассматривающего социальное как причину всего, за что был подвергнут критике со стороны Латура.

тие в языке невозможно (Витгенштейн). Как же адекватно заполнить обнаруженную ранее лауну? Ниже мы предлагаем описание той модели концептуализации объектов, которая выводит адекватную онтологию объектов на первый план.

В первую очередь, для того чтобы исследовать вещи, их нужно вписать в рамки какой-либо разработанной онтологии, с тем чтобы понять, как тот или иной объект может существовать не в вакууме, но в рамках многообразных связей со средой. Это может быть любая доступная теория — ассамбляжи Деланда, объектно-ориентированная философия Хармана, или же синтетический продукт этих и других теорий. Мы предлагаем синтезировать некоторые идеи Хармана (деление на чувственные и реальные объекты и свойства) и Брайанта (системное видение объектов). Для более удобного описания нашей концептуальной модели объектов примем за основу один из предметов исследования Мол — атеросклероз нижних конечностей. Атеросклероз следует рассматривать в рамках исследования как систему, имеющую четкие границы — все, что не входит в систему атеросклероза, является его окружающей средой. Исследователь должен очертить границы изучаемого объекта и его внешней среды. Это позволит избежать регрессии в бесконечность, которая так или иначе всегда маячит на горизонте. Мы предлагаем схематично очертить границы атеросклероза как системы его проявлениями в рамках больницы (включая исследовательскую составляющую). То есть, например, мы исключаем из поля исследования неудобства, связанные с атеросклерозом в быту — высокая утомляемость конечностей, низкая мобильность больного и т. п., — потому что мы не можем получать адекватной информации об этих проявлениях атеросклероза. Рассказ о боли в нижних конечностях может быть, например, выдумкой или чрезмерным проявлением ипохондрии — в связи с этим атеросклероз в быту — это уже окружающая среда по отношению к больничному системному атеросклерозу. После того, как мы приняли, что больничный атеросклероз — это система, мы должны также принять и то, что это не реальный, но чувственный объект. Это не столько необходимость, сколько ограничение теоретического языка, принятого нами на вооружение. Итак, больничный атеросклероз как система является чувственным объектом потому, что у нас нет доступа к его объектным качествам, чертам и характеристикам, мы можем довольствоваться лишь тем, какие реакции на возбуждения с нашей стороны он проявляет. Далее, анализируя те информационные сообщения системы, которые нам удается уловить в процессе воздействия на атеросклероз (липидограмма, стресс-тестирование, лодыжечно-плечевой индекс), мы не должны онтологизировать их по отдельности, нам стоит их рассматривать как системные составляющие больничного атеросклероза. Проще говоря, не стоит, исследуя что-то в темноте, считать каждую найденную на ощупь часть отдельной деталью, но требуется понимать, что мы ищем целостность, состоящую из множества мелких частей. Это и есть системное видение. После того, как при рассмотрении информационных сообщений нам удалось наметить какие-либо системные свойства, эти свойства могут считаться по своему характеру реальными — реальными свойствами чувственного объекта. Затем,

пользуясь той операцией, которую Харман именуется «теоретизацией», мы можем наметить приблизительные масштабы рассматриваемой нами системы больничного атеросклероза через соотнесение обнаруженных свойств с окружающей средой — иначе говоря, далее мы вписываем больничный атеросклероз как систему в окружающую среду — главный принцип отнесения к среде — отсутствие информации. Как уже было отмечено ранее, если мы не можем получить адекватной информации об атеросклерозе — значит, мы уже перешли границы системы больничного атеросклероза. Особо отметим, что бытовой атеросклероз сам может быть рассмотрен как отдельная система, по отношению к которой больничный атеросклероз — окружающая среда.

Внимание следует уделять системной информации, получаемой нами в процессе исследования. Важно понимать, что то или иное воздействие инициируется исследователем, но не самим объектом. Вот почему мы не можем принять лозунг «следования за акторами», так как в рамках нашей концептуальной модели мы не можем следить за реальными акторами, но только за чувственными, которые возникают зачастую по причине нашего с ними взаимодействия. Поэтому, описывая то или иное системное свойство больничного атеросклероза, мы должны указывать на то, что оно было обнаружено в связи определенными основаниями, которые подтолкнули нас на производство того или иного воздействия (учебная литература, интуиция, «голос в голове» и т. п.).

Стоит отметить, что мы также можем следовать за реконструированной в данном тексте Мол картиной и изучать атеросклероз как систему через глубинные интервью (если пренебречь тезисом Витгенштейна об индивидуальном языке). Но тогда нам следует понимать, что мы исследуем не чувственный объект, но его перцепцию — чувственный объект второго порядка. Методические рекомендации для такого исследования остаются без изменений — описать границу перцепции чувственного объекта, четко фиксировать природу того или иного воздействия (характер и направление вопросов), не онтологизируя каждую выявленную в процессе исследования деталь.

Выводы

Итак, мы можем констатировать, что в рамках исследований, проводимых ланкастерской ветвью АСТ, обнаруживается лакуна, которая оставляет за скобками онтологическую составляющую изучаемых объектов. Не вписывая исследуемые объекты в рамки каких-либо онтологий, АСТ-исследователи (Мол, Ло) потенциально открывают путь для регрессии в бесконечность, когда тот или иной объект может «практиковаться» или «обитать» там, где он никогда не обнаруживается. Для того чтобы адекватно сформулировать эту лакуну в философских терминах, целесообразно было обратиться к ресурсам «плоской онтологии» Г. Хармана и Л. Брайанта, а также к философии языка Л. Витгенштейна. Синтезируя идеи Хармана, Брайанта и Витгенштейна, мы выявили, что нельзя говорить об изучении реальных

вещей, анализируя языковые формы. Приступая к исследованию объекта, следует понимать, что мы изучаем не реальный, но тот чувственный объект, который формируем для себя на основании качественной информации, поступающей от него по *нашему запросу*. Когда в рамках своей исследовательской программы исследователи используют «мягкую» методологию (к примеру, глубинные интервью), следует говорить не об объектах и даже не о чувственных объектах, но о чувственных объектах второго порядка (рефлексии по поводу восприятия чувственного объекта). Это и есть регресс в бесконечность. Чтобы избежать подобных ситуаций, предметно-ориентированные исследователи, как нам представляется, должны вписывать предметы своих исследований в рамки существующих онтологических моделей (Деланда, Брайант, Харман и т. д.). Эти модели могут быть также и синтезированы в единую онтологическую методологию; примером такой синтетической модели может служить модель, основанная на ключевых идеях Хармана и Брайанта. Главные принципы ее таковы:

1. Объекты стоит рассматривать как чувственные, но не как реальные.
2. Чувственные объекты следует рассматривать как системы.
3. Информация — критерий демаркации системы и окружающей среды.
4. Селективный характер получаемых системных сообщений (исследователь не может изучить всю систему целиком сразу, поэтому обращается к какой-то ее части. Воздействуя на определенную часть системы, исследователь получает информацию, релевантную своему запросу).
5. Системные сообщения имеют статус реальных качеств.
6. Совокупность реальных качеств через операцию теоретизирования создает чувственный объект как систему.

Отдельно отметим, что если исследователю объектов кажется, что для него наиболее релевантны качественные методы исследования (*go along*, глубинное интервью и т. п.), то следует учитывать, что таким образом он исследует не сам объект и даже не его чувственный образ, но отрефлексированную перцепцию чувственного объекта, которую здесь мы именуем чувственным объектом второго порядка.

Литература

- Астахов С. (2019). Концептуальный стиль Ланкастерской школы в АСТ // Социология власти. Т. 31. № 2. С. 17–44.
- Богост Я. (2015). Бардак в видеоиграх / Пер. с англ. К. С. Майоровой // Логос. № 1. С. 79–99.
- Брайант Л. (2019). Демократия объектов / Пер. с англ. О. С. Мышкина. Пермь: Гиле Пресс.
- Вахштайн В. (2005). Возвращение материального: «пространства», «сети», «потoki» в акторно-сетевой теории // Социологическое обозрение. Т. 4. № 1. С. 94–115.
- Витгенштейн Л. (2001). Заметки о философии психологии. Т. 1 / Пер. с нем. С. Д. Латушкина под ред. В. В. Анашвили. М.: Дом интеллектуальной книги.

- Витгенштейн Л.* (2010). *Философские исследования* / Пер. с нем. Л. Добросельского. М.: АСТ.
- Де Лаэт М., Мол А.* (2017). *Зимбабвийский втулочный насос: механика текучей технологии* / Пер. англ. А. Салина и Е. Быкова // *Логос*. № 1. С. 117–232.
- Деланда М.* (2018). *Новая философия общества: теория ассамбляжей и социальная сложность* / Пер. с англ. К. С. Майоровой. Пермь: Гиле Пресс.
- Иванов Д.* (2011). *Другие сознания, инверсия спектра и индивидуальный язык* // *Эпистемология и философия науки*. № 3. С. 70–83.
- Латур Б.* (2014). *Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию* / Пер. с англ. И. Полонской под ред. С. Гавриленко. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Ло Дж.* (2015). *После метода: беспорядок и социальная наука* / Пер. с англ. С. Гавриленко, А. Писарева и П. Хановой под науч. ред. С. Гавриленко. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Локк Дж.* (1985). *Опыт о человеческом разумении* / Пер. с англ. А. Н. Савина // *Локк Дж. Сочинения* в 3 т. Т. 1. М.: Мысль.
- Луман Н.* (2007). *Социальные системы: общий очерк теории* / Пер. с нем. И. Д. Газиева под ред. Н. А. Головина. СПб.: Наука.
- Мол А.* (2017б). *Множественное тело: онтология в медицинской практике* / Пер. с англ. группы Cube of Pink (МГУ) под науч. ред. А. Писарева и С. Гавриленко. Пермь: Гиле Пресс.
- Мол А., Ло Дж.* (2017). *Воплощенное действие, осуществленные тела: пример гипогликемии* / Пер. с англ. С. Нарановича и Л. Флорентьевой // *Логос*. № 2. С. 233–262.
- Фреге Г.* (2000). *Логика и логическая семантика* / Пер. с нем. Б. Бирюкова. М.: Аспект-Пресс.
- Харман Г.* (2015). *Четвероякий объект: метафизика вещей после Хайдеггера* / Пер. с англ. А. Морозов и О. Мышкин. Пермь: Гиле Пресс.
- Хайдеггер М.* (2003). *Бытие и время* / Пер. с нем. В. В. Биbihина. Харьков: Фолио.
- Шлик М.* (2006). *Позитивизм и реализм* // *Журнал «Erkenntnis» («Познание»): Избранное*. Т. 1 / Пер. с нем. А. Л. Никифорова под ред. О. А. Назаровой. М.: Территория будущего. С. 283–309.
- Bateson G.* (1970). *Form, Substance and Difference* // *General Semantics Bulletin*. № 37. P. 5–13.
- Fariás I.* (2009). *Urban Assemblages: How Actor-Network Theory Changes Urban Studies*. London: Routledge.
- Latour B.* (1999a). *Pandora's Hope: Essays on the Reality of Science Studies*, Cambridge: Harvard University Press.
- Latour B.* (1999b). *For David Bloor and Beyond* // *Studies in the History and Philosophy of Science*. Vol. 30. № 1. P. 113–129.
- Mol A.* (2002) *The Body Multiple: Ontology in Medical Practice*. Durham: Duke University Press.

Ontological Analysis of the Research by the Lancaster Branch of Actor-Network Theory: From Perception to Object

Evgeniy Popov

PhD Student, HSE University

Address: Myasnitskaya str., 20, Moscow, Russian Federation 101000

E-mail: evgeniipalamodov@mail.ru

In this article, the author attempts to consider the lacuna of “applied” ontology as proposed by the Lancaster version of the actor-network theory within the framework of a broader philosophically funded approach of Graham Harman (complemented by Levi Bryant’s ideas). This is done in order to clarify the position of the Lancaster version of ANT, according to which the same object may have several ontological modes, being, nevertheless, the same “real” object. For the purposes of analysis, the classical works of A. Mol and J. Law in addition to the works of L. Wittgenstein, L. Bryant, and H. Harman are used. The author of the article concludes that the ontological reality of objects and the perception of single objects as discrete ones within the framework of the ANT Lancaster branch results from the fact that Mol and Law do not fit their research into the framework of broader ontologies. They create their own local ontologies instead. Nevertheless, this “ontological lack” can and should be improved to increase research fruitfulness and complexity.

Keywords: ontology, A. Mol, J. Law, G. Harman, L. Bryant, object

References

- Astakhov S. (2019) Konceptual'nyj stil' Lankasterskoj shkoly v AST [The Conceptual Style of the Lancaster School in ANT]. *Sociology of Power*, vol. 31, no 2, pp. 17–44.
- Bateson G. (1970) Form, Substance and Difference. *General Semantics Bulletin*, no 37, pp. 5–13.
- Bogost I. (2015) Bardak v videoirah [Videogames are a Mess]. *Logos*, no 1, pp. 79–100.
- Bryant L. (2019) *Demokratiya obyektov* [The Democracy of Objects], Perm: Hyle Press.
- De Laet M., Mol A. (2017) Zimbabvijskij vtulochnyj nasos: mekhanika tekuchej tekhnologii [The Zimbabwe Bush Pump: Mechanics of a Fluid Technology]. *Logos*, no 1, pp. 117–232.
- Delanda M. (2018) *Novaya filosofiya obshchestva: teoriya assamblyazhej i social'naya slozhnost'* [A New Philosophy of Society: Assemblage Theory and Social Complexity], Perm: Hyle Press.
- Fariás I. (2009) *Urban Assemblages: How Actor-Network Theory Changes Urban Studies*, London: Routledge.
- Frege G. (2000) *Logika i logicheskaya semantika* [Logic and Logical Semantics], Moscow: Aspekt-Press.
- Harman G. (2015) *Chetveroyakij obyekt: metafizika veshchej posle Hajdeggera* [The Quadruple Object], Perm: Hyle Press.
- Heidegger M. (2003) *Bytie i vremya* [Being and Time], Kharkov: Folio.
- Ivanov D. (2011) Drugie soznaniya, inversiya spektra i individual'nyj yazyk [The Other Minds, Spectrum Inversion and Individual Language]. *Epistemology and Philosophy of Science*, no 3, pp. 70–83.
- Latour B. (1999) *Pandora's Hope: Essays on the Reality of Science Studies*, Cambridge: Harvard University Press.
- Latour B. (1999) For David Bloor and Beyond. *Studies in the History and Philosophy of Science. Part A*, vol. 30, no 1, pp. 113–129.
- Latour B. (2014) *Peresborka social'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu* [Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory], Moscow: HSE.
- Law J. (2015) *Posle metoda: besporyadok i social'naya nauka* [After Method: Mess in Social Science Research], Moscow: Gaidar Institute Press.
- Locke J. (1985) *Opyt o chelovecheskom razumenii* [An Essay Concerning Human Understanding]. *Sochineniya. T. 1* [Selected Works, Vol. 1], Moscow: Mysl.

- Luhmann N. (2007) *Social'nye sistemy: obshchij ocherk teorii* [Social Systems: An Outline of General Theory], Saint-Petersburg: Nauka.
- Mol A. (2002) *The Body Multiple: Ontology in Medical Practice*, Durham: Duke University Press.
- Mol A. (2017) *Mnozhestvennoe telo: ontologiya v medicinskoj praktike* [The Body Multiple: Ontology in Medical Practice], Perm: Hyle Press.
- Mol A., Law J. (2017) Voploshchennoe dejstvie, osushchestvlennye tela: primer gipoglikemii [Embodied Action, Enacted Bodies: The Example of Hypoglycaemia]. *Logos*, no 2, pp. 233–262.
- Schlick M. (2006) Pozitivizm i realizm [Positivism and Realism]. *Zhurnal "Erkenntnis" ("Poznanie")*: *Izbrannoe. T. 1* ["Erkenntnis" ("Cognition") Journal: Selected Papers, Vol. 1], Moscow: Territoria buduschego, pp. 293–309.
- Vakhshtain V. (2005) Vozvrashchenie material'nogo: "prostranstva", "seti", "potoki" v aktorno-setevoj teorii [The Return of the Material: "Spaces", "Networks", "Flows" in Actor-Network Theory]. *Russian Sociological Review*, vol. 4, no 1, pp. 94–115.
- Wittgenstein L. (2001) *Zametki o filosofii psihologii* [Remarks on the Philosophy of Psychology], Moscow: Dom intellektual'noj knigi.
- Wittgenstein L. (2010) *Filosofskie issledovaniya* [Philosophical Investigations], Moscow: AST.